

Протоиерей Николай Гундяев

Святоотеческое богословие и секулярный мир

Современное секулярное сознание обычно не обременено поисками истины, поэтому всякое слово об истине воспринимается не как слово о жизни, а как некое отвлеченное спекулятивное рассуждение с той или иной долей абстракции. Абсолютный приоритет истины ныне не господствует над прочими жизненными ценностями, и современная цивилизация, сталкиваясь с метафизическими вопросами, недоуменно цитирует слова Пилата: «Что есть истина?» – предлагая иногда некое безличное божество или мифологизированную науку, делающие человека невосприимчивым ко всему метафизическому. Этим и объясняется отсутствие должного внимания как к богословию в целом, так и к святоотеческому наследию в частности.

Парадоксально, но в Духовных семинариях предмет «Патрология» стал вводиться только с 1996 г. в рамках новой учебной программы, рекомендованной Учебным комитетом. До этого момента учащиеся семинарий покидали стены Духовных школ, не имея целостного представления о святых отцах Церкви и святоотеческом богословии.

Однако ныне Церковь сталкивается не только с христианами других конфессий, но также и с атеистами, агностиками, неоязычниками и даже сатанистами. Часто для тех пастырей, которые своевременно не пополняли в стенах Духовных школ свои знания святоотеческим богословием, такие встречи бывают весьма болезненны, что затрудняет возможность диалога. Патрологический аспект богословского образования позволяет прежде всего не только оперировать теми или иными цитатами из святоотеческих текстов, но и выработать те принципы, каковыми пользовались отцы Церкви в общении со своими современниками. Нужно постоянно помнить, что они развивали свое богословие именно в диалоге со внешними. Другой патрологический аспект богословского образования включает в себя понятие Священного Предания. Именно когда идет речь о наследии отцов Церкви, тогда вольно или невольно мы и сталкиваемся с этим понятием. Однако не в виде готовых формулировок, а в реализации основного принципа Священного Предания, как адекватного раскрытия Слова истины в истории человечества.

Это Предание, выраженное богоносными отцами, всегда определялось как верность прошлому. Флавиан, архиепископ Константинопольский, обращаясь к папе Льву Великому относительно ереси Евтихия и рассуждая о правильном (то есть православном) проповедании слова истины, пишет: «Поэтому мы должны делать все и подвизаться за истинную веру, за изложение веры и учение святых отцов, так чтобы всегда и при всех обстоятельствах и потрясениях оставалось все это целым и невредимым». Этот же Флавиан, рассуждая о верности прошлому и Преданию, пишет: «Ибо мы научились из Божественных Писаний, что должно следовать нашим отцам и не изменять древних определений». Главный же критерий неправославности Евтихия Флавиан находит в том, что «он (Евтихий) думал вопреки учению всех отцов».

Подобных цитат из святоотеческих текстов можно привести множество, но все они свидетельствуют об одном, а именно, что верность прошлому есть ответ настоящему.

Поэтому в любом диалоге необходимо иметь как внутреннюю связь с апостольской верой, так и знать принцип её реализации в конкретной исторической и культурной обстановке, а знание этих принципов как раз и есть задача патрологической науки как в рамках семинарского и академического богословского образования, так и за пределами стен Духовных школ.

Кроме того, современное общество в целом перестало быть официально атеистическим, но в массе продолжает быть нигилистическим. Поэтому стремление создать автономную человеческую культуру, в которой понятие гуманизма заменило бы собой понятие Бога, так очевидно. В этом и состоит смысл секуляризации. Атеизм, по верному замечанию о. Иоанна Мейендорфа, есть всего лишь крайняя форма секуляризма. Секуляризованная культура, культура без Бога, превращает храмы в музеи, а иконы в экспонаты. Для людей, получивших высшее образование во времена официального атеизма, памятны лекции по истории мировой литературы, откуда вымарывались целые пласты церковной письменности, как не соответствовавшие духу господствовавшей тогда идеологии. Целое поколение интеллигенции оказалось так и не приобщенной византийской литературе, за исключением некоторых хроник и философских трактатов. Не только литература, но и секулярное искусство перестает быть тем звеном, которое направляет силы человеческой души в их стремлении к своему Творцу, декларируя автономию человека и человечества. Таким образом, и искусство и литература обречены ходить по замкнутому кругу секулярного гуманизма, вместо того чтобы указывать человеку Путь, Истину и Жизнь. Приобщение этих, но существу оторвавшихся от христианской культуры, лю-

дей также должно быть возложено на святоотеческое наследие, которое, свидетельствуя устами отцов Церкви о цели человеческой жизни, впитало в себя всевозможные литературные жанры, подчинив их этой цели, синтезировав в себе богословие и литературу. Литературовед не может ни восхититься великолепными поэмами Григория Богослова или не оценить стиль гомилий Иоанна Златоуста? Даже сами принципы литературной критики ярко представлены «Мириовивлон» патриарха Фотия. Секулярному искусству православное богословие предлагает знаменитые апологии искусства воцерковленного – Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, Германа Константинопольского, занимающие почетное место в сокровищнице святоотеческой богословской мысли. Православие вообще является, по мнению отца Иоанна Мейендорфа, единственной религиозной средой, где об искусстве спорили как о предмете веры, где культура и искусство являются не просто самоценными, а прежде всего проводниками веры, хотя православного определения понятия «искусство» не существует.

Современное общество, комфортно оградившись от Бога агностицизмом, привитым итальянским Ренессансом на Западе, постоянно предлагает своим членам некие суррогаты, некие панaceи, всеобъемлющие ответы перед лицом поражающих общество кризисов. Такие понятия, как «политика», «права человека», «наука» и другие претендуют на преобразование современного общества и приближения ею к некому дехристианизированному идеалу царства небесного на земле. Причем каждое из этих понятий мистифицируется в степени, соответствующей своей социальной значимости. По примеру древнего Израиля, требовавшего у Бога себе царя, «как и у прочих народов», даже некоторые православные связывают возрождение Церкви Христовой и общества не со Христом, не с собственными нравственными усилиями и усилиями народа, а с неким политическим строем, в частности, либеральной демократией или монархией. Политика вполне закономерно пришла на смену богословию в том обществе, которое отказалось связывать свои судьбы с Божественным Промыслом, которое ищет не Истину, а утилитарную пользу. Сегодня звучат горячие споры о достоинстве того или иного политика или общественного деятеля, доходящие порой до ожесточения. Григорий Богослов и Григорий Нисский свидетельствовали, что в ранневизантийском обществе, где люди искали Бога, торговцы на рынках спорили о единосущии и Трех Ипостасях. Наверно, рядовой византиец был бы шокирован, услышав современные споры о достоинстве того или иного политического деятеля. Несомненно, и в святоотеческой литературе мы встречаем высокие оценки властей предрержащих, особенно «благочестивей-

ших» христианских императоров, как внешних епископов Церкви. Весьма характерно это, например, для Евсевия Кесарийского. Но тут же мы встречаем весьма трезвомысленный взгляд Иоанна Златоуста, который считал любую власть последствием грехопадения. Так же как Златоуст, патриарх Фотий признавал светский авторитет императора, но в каноническом сборнике «Эпаногоэ» определил исключительные права Церкви в вероучительных вопросах, дифференцировав, таким образом, Церковь Христову от внешних авторитетов и отождествлений ее с тем или иным социальным строем.

Проблемой современного секулярного общества является проблема пола. Специалисты-психоаналитики, воспитанные и взращенные на трактатах З. Фрейда, а также на сочинениях Юнга, занимая престижные места во всевозможных «Семейных консультациях», советуют своим пациентам для укрепления семьи разнообразить сексуальный опыт. Это, собственно, продолжение идеи отцов психоаналитики, сводивших нередко весь спектр душевных и духовных сил человека к половому влечению. Такие исконно христианские понятия, как любовь, верность и долг, не находят места в рассуждениях подобных специалистов. Часто среди некоторых православных также отсутствует целостное представление о браке, так как их мировоззрение формировалось не на евангельском и святоотеческом понимании семьи, как малой Церкви, где отношения супругов являются подобием отношения Христа и Церкви. Активная пропаганда подобного рода взглядов приводит к последовательному обеднению и профанации супружеских отношений мужчины и женщины и сводятся к вполне определенной точке зрения на супругов только как на партнеров. Задача современного пастыря – основываясь на святоотеческом предании показать несостоятельность этих стереотипов, выдвигаемых секулярным сознанием, освободить человека от нового идолопоклонства. Ему необходимо донести до человеческого ума и сердца святоотеческий опыт личной ответственности перед Богом и на их примере свидетельствовать возможность живого богообщения и внутреннего преображения.

Другим интеллектуальным соблазном для современного христианина является попытка рассматривать святоотеческое богословие как некую церковную философию, для которой посылками стали Священное Писание и традиция его толкования. В некотором смысле богословие может рассматриваться как любопытная (философия), но весьма условно. Очевидно, и философия и святоотеческое богословие задаются вопросом о бытии и смысле жизни, но видят его они по-разному, чем и обусловлены существенные расхождения между ними.

В чем же суть этого разного видения? Богословие отцов Церкви всегда было теоцентричным. Секулярная философия, начиная с эпохи Просвещения, помещает человека, как меру всех вещей, в ядро антропоцентрической вселенной, но помещает не просто человека, а человека падшего, пребывающего во грехе. По воззрениям святых отцов человек сотворен по образу Божию, «но грех исказил красоту образа» (св. Василий Великий). Отринув это представление об искаженной природе человека, не принимая его во внимание, секулярная философская мысль совершила движение вспять – от христианских ценностей к языческой этике и языческому мирозерцанию. Со святоотеческой точки зрения, современная секулярная этика регрессивна. Сегодня с полным основанием можно говорить о триумфе идолопоклонства в форме поклонения человека самому себе. Уже в XIX и особенно в XX вв. комплекс понятий, описывающий секулярный философский стандарт существования, сложился практически целиком.

Вопрос взаимоотношения философии и богословия неоднократно ставился в истории святоотеческой письменности и решался по-разному: Афины или Иерусалим. Этот вопрос волнует и сегодня умы богословов и богословски образованных мирян. Некоторые церковные писатели, такие, как Тертуллиан, резко дифференцировали богословие и философию, некоторые, такие, как Климент Александрийский, Ориген, пытались синтезировать их в единую цельную систему, другие, как патриарх Фотий, жили как бы в двух мирах. Опыт святоотеческого богословия убеждает нас, что конфликт не обязательно должен существовать между богословием и философией, но и синтез между ними вряд ли возможен. Однако нельзя умалять значение философии в святоотеческом наследии, так как «словесную плоть» для выражения истины святые отцы нередко заимствовали из философии. Таким образом, попытки рассматривать святоотеческое богословие только как некую разновидность секулярной философии, не корректны в связи с отсутствием общей почвы, на которой они возрастали.

Задачи, стоящие перед современной православной патрологией, весьма обширны и обнимают собой целый комплекс проблем и вопросов. Но среди этой обширности существует главная цель, к которой, по нашему мнению, должна стремиться богословская мысль. Цель эта заключается в том, чтобы на основе библейского богословия и сокровищницы святоотеческой литературы свидетельствовать современному секулярному миру о воскресшем Господе Иисусе Христе, Которому любой человек, независимо от пола, расы, языка и национальности, приобщается в Церкви. Свидетельствовать о том, что «для того Бог стал Человеком, чтобы человек стал богом», и что в этом становлении человек по-

беждает смерть и получает благодатную силу для преобразования мира. Реализовывая движение к этой цели, Церковь может дать вопрошающим умам и сердцам ответы на те вопросы, на которые секулярное общество дать вразумительных ответов не может. Спектр этих вопросов начинается с проблем экологии и заканчивается вопросами антропологии. Святоотеческое богословие и наука, изучающая его, патрология, призваны правильно ориентировать богослова и пастыря в их свидетельстве внешнему миру.